

Анастасия Александрова

18+

Анастасия Александрова

Полотно

<https://litres.ru/74570114>

SelfPub; 2026

Аннотация

История о переосмыслении гиперэмпатии: про того, кто начал понимать чувства других раньше, чем свои.

Содержание

Иллюстрация	5
0.	7
1. Частный канал Роберта Симонова. 15.12.2019	9
2. Частный канал Роберта Симонова. 04.01.2021	11
3. Стаффаж	13
4. Грубый набросок	32
5. Очертания	46
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Полотно

Иллюстрация

Анастасия Александрова

Автор иллюстрации: Дария Михайлова

Не начинай с конца

Здорово, когда есть возможность закрыть историю, которая кажется тебе нереальной, выключить фильм, который кажется тебе бредовым, перестать обсуждать теорию, которая кажется тебе нелогичной

Но что делать, если тебе приходится в этом жить и спрятаться не получится?

0.

Я так мало спал накануне, что уснул в автобусе по дороге домой. Разбудила меня яма в асфальте, на которой подскокил автобус. Я ударился головой об оконное стекло, открыл глаза, резко выпрямился. Увидев рядом стоящую девушку, подгоняемый неловкостью я быстро встал, чтобы уступить ей место. Надеюсь, никто не подумал, что я притворялся. Я действительно спал. Начал плакать ребенок, кондуктор громко спорила с пассажиром, жужжала муха, пытаюсь пробиться сквозь стекло, по громкоговорителю объявляли о подорожании стоимости проезда. В салоне стояла невыносимая жара: сломался кондиционер, а все окна закрыли по просьбам пассажиров, которые боялись сквозняка (я поискал глазами и не обнаружил никого из тех, кто просил закрыть окна, похоже, к тому моменту они уже вышли). Хотя, если честно, даже проникающий через окна воздух не спас бы меня от приближающего обморока. Я еле-еле дождался своей остановки.

Войдя в квартиру, я сразу же снял всю одежду, и, оставив ее лежать на полу, начал набирать ванну, чтобы смыть с себя остатки поездки. Пока вода била мои вытянутые в ванне ноги, которые упирались в стену, я пытался сопротивляться закрывающимся векам. Мой мозг хотел вырубить органы чувств, чтобы наконец обновить свою подшивку не под напряжением. Не так, как обычно.

Свет резко гаснет и загорается.

Я, захлебываясь водой, пробую сесть в ванне и хватаю руками ее гладкие края. Вместо них мои пальцы цепляются за мокрую скользкую шторку. Уже через секунду она летит на меня вместе с палкой, на которой висела. Я дотягиваюсь до крана и выключаю воду. Ванна стала шире или я стал меньше? Странное ощущение. Еще какое-то время я сижу в ванне, почти полностью укрытый непромокаемой тканью, хватаю воздух, думаю о том, что же сейчас произошло. В носоглотке горит, я высмаркиваюсь остатками воды. Зря, стало жечь еще сильнее. Дельфины радостно подмигивают мне со шторки. Пересчитываю их. Оказывается, среди тринадцати дельфинов затерялась одна касатка. Забавный трюк того, кто придумывал этот дизайн.

Возможно, меня чересчур впечатлили фильмы про эффект бабочки (кажется, я пересмотрел их все), но я уверен, что тот момент стал квантовым событием. Я не должен был здесь находиться. Реальность, из которой меня выдернули, теперь развивается параллельно, возможно, по другому пути.

На следующий день все социальные сети были заполнены новостями про пандемию.

1. Частный канал Роберта Симонова. 15.12.2019

/публикация содержит негативную информацию/

Прошел год с начала пандемии. Совсем скоро будет казаться, что события того периода происходили не с нами. Мы читали о них в книге, которую на каникулах вытащили с пыльной полки старой городской библиотеки. Останутся лишь последствия, незаметно превратившиеся в части нашей жизни: смерть терапевта, который назначал лечение твоей жене, тяжелый период восстановления твоей коллеги после болезни, резкое увеличение экранного времени пользователей интернета, борьба с последствием вируса — ростом депрессивных расстройств.

Не знаешь, о чем поговорить с кем-то? Спроси о том, как он перенес вирус.

Насколько все-таки тесен мир. Одна незначительная вещь способна повлиять на ход жизни миллиардов людей. Пафосно звучит, правда? Знаю, что пафосно. Помню, как на экзамене по обществознанию писал заумное эссе про глобализацию, но только теперь я действительно понял, что это такое. Мир — большое полотно, нити которого тесно переплетаются. Вытянешь одну — создашь затяжку на всем полотне. Мы так упорно пытаемся доказать, что отличаемся друг от друга,

пока пандемия перекрывает одни и те же дыхательные пути у людей с разных континентов, наблюдает за тем, как в разных странах внуки подносят ладонь ко лбам своих бабушек, чтобы проверить температуру их тела, отпускает свои тиски, позволяя молодому спортсмену (за чью сборную он сейчас выступает?) дышать собственной грудью в стерильной больничной палате.

Мой научный руководитель говорил, что исследователь должен быть немного оторван от жизни. Не думать, на какие деньги купить еду для детей, не беспокоиться, что завтра могут выгнать из квартиры, не бояться остаться без работы с долгами. Но вот что странно: почему одни люди, имея все для спокойной жизни (а вернее — не имея того, что делает ее беспокойной), получают от нее удовольствие, а другие размышляют о глобализации? Выбираем ли мы по-настоящему то, что поселилось в нашей голове? И если выбираем, почему я не могу перестать думать о ниточках, которые прямо сейчас кто-то настырно пытается выдернуть из полотна?

Интересно, нужен ли на этот пост маркировка, как на посты, связанные со всем деструктивным? Не хотелось бы каждый раз видеть это желтое тревожное предупреждение, вылетающее на весь экран с просьбой подтвердить готовность ознакомиться с негативной информацией у всех моих трех подписчиков. Но, пожалуй, перестрахуюсь.

2. Частный канал Роберта Симонова. 04.01.2021

/публикация содержит негативную информацию/

В загородном доме бабушки над кухонным столом висели часы. В самый разгар дня, когда я рисовал, обедал или играл, часы не тикали. Зато в тишине их звук будоражил весь мой детский обостренный слух. Последний раз, когда я видел эти часы, в них больше не было стрелок. Не знаю, куда они подевались. Вероятно, они перестали двигаться, и бабушка вытащила их из-под стекла, чтобы заменить на новые (она обожала что-то чинить своими руками, увлеченно изучая устройство разных приборов), но так и не сделала этого. Забыла или не успела.

Перед тем, как навсегда уйти из дома своих самых теплых детских воспоминаний, я сел за кухонный стол. Часы по-прежнему тикали. Они полностью утратили свое предназначение, не указывали больше на время, но их механизм продолжал работать. Для этого стрелки были не нужны.

Я стал ощущать себя теми часами.

Мне позвонили, когда я был на работе. Пока приятный женский голос сообщал мне, что в мою жену стреляли, я думал о том, что от мужчины сообщение о смерти звучит куда менее участливо, чем от женщины. Почему бы не закрепить

на законодательном уровне, что только женщинам разрешается звонить родственникам погибшего? Позже я периодически вспоминал эту минуту и спрашивал себя: неужели это все, что тогда могло мне прийти в голову?

Как выяснилось, она заказала собственное убийство. Я не удивился, когда мне об этом сообщил следователь. Это так похоже на нее. Ей хотелось остаться для нас хорошей женой, другом, дочерью. Не ставить на пережитых вместе моментах клеймо злости за принятое ею решение, не давать повода пересудам. Вот только ее план провалился: нерадивого убийцу заснял десяток камер, а в телефоне моей жены осталась переписка с ним.

Одна моя коллега сказала, что нельзя заикливаться на произошедшем и что я «сильнее этого». Сильнее чего, я не уточнил. Неизвестности, один на один с которой оставила меня моя жена? Чувства брошенности, оставшееся после нее? Вины?

Вся наша жизнь состоит из потерь и того, как мы с ними справились.

Или не справились.

3. Стаффаж

После пандемии система образования позволяла преподавателям большую часть времени работать из дома — занятия для студентов проводились дистанционно, за исключением отдельных курсов, перечень которых определялся на заседании специальной комиссии.

Несмотря на то, что Роберту, рассказывающему студентам об особенностях экономических преступлений, редко выпадала возможность проводить очные занятия, он предпочитал каждый день приходить в университет и вести пары в конференц-зале или из своего кабинета с видом на студенческий коворкинг. В академической атмосфере у него быстрее получалось фокусироваться на процессе. Он полагал, это дело привычки.

Когда Роберт устроился ассистентом преподавателя, появились слухи, что потребность в педагогах в обозримом будущем исчезнет, но эксперименты по замене живых лекторов видеороликами, сгенерированными искусственным интеллектом, провалились: выявили, что передача знаний лучше работает от человека к человеку. Это, правда, не помешало отправить на покой полюбившийся Роберту формат лекций. Занятия теперь назывались «встречами», на которых студенты разбирали с преподавателем интересные их вопросы и обсуждали проблематику той или иной темы.

Все сводилось к самообучению, самодисциплине и прочим «само». По мнению Роберта, это было отчаянной попыткой заставить молодое поколение не только впитывать факты, которые они не понимают, цитировать результаты опытов, которые они не могут проверить, а думать. Размышлять. Создавать что-то свое, не важно, соответствующее догмам или нет. Единственное, что никто не учел, так это отсутствие у студентов мотивации. Зачем им стараться формировать идею, если ее можно позаимствовать, например, из (или «у»?) искусственного интеллекта?

«Выжимка, главная мысль, не трать время на поиск ответа, не прочитал заранее? я расскажу основное!, прочитай описание, я сделал конспект самого важного, облегчи себе работу» — таким стал язык новых компьютерных программ, имитирующих человеческое мышление. Соковыжималки. «Главной» информации становится так много, что мозг больше не может ее обрабатывать. Он перегружается. В этом, по мнению Роберта, отчасти кроилась причина распространения тревожных расстройств после пандемии. Дело не только во влиянии вируса, но и в разрастании нейросети, которая снижает объем аналитики, обычно предотвращающей создание психикой несуществующих опасностей. Не зря ведь рекомендуют считать в уме примеры, когда становится тревожно?

На проекционном экране конференц-зала появляются сообщения студентов с благодарностью за встречу. Множес-

ство иконок с их лицами на секунду попеременно замирают, чтобы оставить после себя черную отражающую поверхность. Тринадцать плюс семьдесят девять. Аудитория плавно опускается под воду, видимую только Роберту. Звук собственного голоса, прощающегося со студентами, становится еле различимым под давлением ее толщи, а сердцебиение — невыносимо громким. Вода затекает внутрь вместе с паникой. Роберт осматривает комнату, пытаясь вернуть равномерность дыханию. Его взгляд задерживается на вазе с геометрическим орнаментом. Яркие треугольники вращаются все быстрее и хаотично увеличиваются в размерах, выходя за пределы сосуда. Восемьсот одиннадцать минус двести тринадцать. Журчание в ушах усиливается. Роберт силой отрывается от керамического сосуда, подносит дрожащую ладонь к переносице и закрывает глаза. Еще немного, всего несколько секунд, и это закончится. Всегда заканчивается. Три плюс четыре. Три плюс четыре. Три плюс четыре. Восемнадцать плюс пятнадцать. Тридцать три.

После беглого заполнения отчета о студентах, присутствовавших на онлайн-встрече, Роберт закрыл ноутбук, встал, собрал со стола листы бумаги, накопившиеся за неделю, шумно выпустил из легких весь воздух и задвинул стул, со скрежетом царапая его ножками пол. Привычка задвигать стулья была у него с детства: кто-то из его школьных учителей однажды сказал, что это признак хорошего воспитания. Не то чтобы Роберта сейчас заботило, считают ли его хорошо

воспитанным человеком, но он продолжал задвигать стулья, причем не только за собой, но и за всеми, кто сидел с ним за одним столом.

Коридор университета пустовал: ни звуков, ни запахов, ничего, что делало раньше его отдельным живым организмом. Роберт спустился по лестнице, которой заменял старый, кашляющий, еле передвигающийся лифт, и неторопливо направлялся к выходу, когда услышал свое имя. Развернувшись, он увидел свою коллегу, которая преподавала экономику. Они работали на одних направлениях обучения, поэтому вместе разрабатывали междисциплинарные кейсы для студентов. Роберт отзывался о ней так: «После нашего знакомства я стал ненавидеть красный цвет, потому что она его обожала». Эта женщина была хорошим человеком. Роберт это признавал. Только все равно раздражался от большинства ее комментариев, чересчур примитивных или необоснованно популярных — словно в нее вшито записывающее устройство, воспроизводящее все, что она слышала. Будь она злой, неуравновешенной, нелюдистой ведьмой, но со своим собственным мнением, он бы относился к ней лучше.

— Как насчет кофе? — поравнявшись с Робертом, женщина стала дергать замок куртки, пока «собачка» стремительно не побежала вверх. Ребенком Роберт часто зажимал замком кожу подбородка, поэтому сейчас, наблюдая за коллегой, он невольно зажмурился, когда бегунок добрался до ограничителя молнии. Ничьего возгласа не последовало. —

Давай, как всегда, в той кофейне недалеко от бульвара?

Решив, что нельзя избегать общения с людьми постоянно, Роберт выработал формулу: один отказ на два согласия. На очереди было второе согласие. Сегодня можно поставить плюс в его математике социальной жизни.

По дороге в кофейню сквозь грязь кое-где проглядывала по-весеннему зеленая трава, но было очевидно, что понижение температуры еще отбросит назад пробуждение природы. Роберт помнил, как несколько лет назад в это же время гулял в футболке, хотя теперь еще слишком холодно для того, чтобы снимать плащ.

— Выглядишь отстраненным. Не поделишься, о чем размышляешь? Прости, если давя на тебя.

— Все в порядке. Боюсь, делиться нечем. Я плохо спал ночью из-за сработавшей в доме сигнализации. Полночи выясняли, точно ли она по ошибке запустилась. Так что засыпаю прямо на ходу. Расскажи лучше, как ты. Как твоему сыну новая школа?

Пока коллега Роберта сыпала деталями обучения своего ребенка, которые он забудет уже через десять минут после возвращения домой, они дошли до кофейни, сделали заказ и расположились на велюровых креслах возле окна. Тембр ее голоса, напоминавший звон монеты в стеклянной копилке, на целую минуту заглушила кофемолка. Роберт улыбнулся: не для того, чтобы уменьшить возникшую неловкость, а потому что в их разговоре появилась хотя бы короткая обосно-

ванная пауза, когда можно не сосредотачиваться на смысле слов. Скаты крыш и земля покрывались мелким пушистым снегом. Роберт, не моргая, вглядывался в вихрь из снежных хлопьев, пока не почувствовал, как кружится вместе с ним.

Чтобы не было очевидно, как тяжело дается говорить о себе, Роберт заменял свое желанное бездействие массивной атакой вопросами, из ответов на которые он узнал о вывозе мусора в доме коллеги, ее вечерних посещениях школы бизнеса, рецепте запеченной рыбы, который она прочитала в интернете, и очередном проступке бывшего мужа. Он продолжал делать вид, что внимательно слушает, стараясь производить впечатление нормального человека. *«Знаешь, я хотела кое-что обсудить...» — слышит Роберт.* Ага, вот и настоящая причина дружелюбия. Все дело в недавней ситуации, которая произошла на очном занятии. Один из студентов снял кофту, потому что в аудитории стало душно, и она заметила на его руках глубокие, затягивающиеся раны. Студент сказал ей, что все в порядке, не выдумывая при этом никаких правдоподобных историй о том, где бы он мог получить такие ссадины. Потом она написала студенту в мессенджере университета, предложила встретиться, сказала, что всегда готова выслушать, но он так и не ответил на ее сообщения.

— Я за него переживаю, — этой фразой коллега Роберта завершила свой монолог, сосредоточенно царапая ногтем небольшую выпуклость на ручке кружки.

— Почему? Думаешь, ему кто-то причинил вред?

— Не знаю. Слушай, даже если он сделал это сам, хорошо-го мало. Кажется, ему нужна помощь, — она придвинулась ко столу. — Знаю, что он твой дипломник. Я проверила. Попробуй поговорить с ним. Может быть, с мужчиной он будет более откровенен. Тем более ты его научный руководитель. Какой никакой авторитет.

— Я понял. Попробую помочь. Поговорю с ним, — ответил Роберт, думая: «Неужели ей настолько скучно? Почему бы не отстать от взрослого человека? Что за синдром спасателя?».

— Ты знаешь, — начала она осторожно, постепенно повышая напор, — нас учили в школе бизнеса, что нельзя говорить «помогу». Мочь — это твоя энергия, твоя возможность, а ты её таким образом отдаешь.

— И как нужно говорить?

— Поспособствую. Например.

— Я ведь юрист. Мы оказываем юридическую помощь. Так исторически сложилось. А способствуют в моем мировоззрении обстоятельства совершению преступления.

— Нужно иметь гибкость. А ты мыслишь чересчур приземленно.

«Какая к черту гибкость?». Рука Роберта вместе с кружкой резко опустилась на стол. По нему пробежались десятки глаз посетителей кофейни, какие-то быстро, какие-то — чуть медленнее.

— Или это всего лишь критическое мышление, — сказал Роберт и посмотрел на свою коллегу. Она подперла щеку рукой, плотно сжала губы и вглядывалась в дно своей разноцветной кружки, словно там была сцена, на которой демонстрируют самую известную постановку в мире. Залпом допив кофе, Роберт начал озираться по сторонам, пытаясь вспомнить, на какой вешалке оставил плащ.

— Ну что, пора?

— Иди, я допью кофе и тоже пойду.

Роберт кивнул, хотя и видел, что кофе она уже допила. Ему хотелось выбежать из кофейни, но он приложил все усилия к тому, чтобы спокойно одеться, пожелать коллеге хорошего вечера, и, пропустив заходящих внутрь кофейни людей, слиться с холодным воздухом. Снег уже укрыл первые ростки травы, крепчающий ветер порывами набрасывался на прохожих и здания, солнце погрязло в сером тумане, похоже, до следующего утра. Роберт развернулся лицом к ярко горящей вывеске кофейни, напомнившей ему место, которые они посещали вместе с женой в Азии во время последнего совместного отпуска. Теплый свет от названия кофейни падал на него вместе со снегом, немного слепящим глаза, прямо как солнечные лучи, отскакивающие от металлической рамы дешевого велосипеда из проката, на котором сидела жена Роберта, собираясь тронуться с места в сторону уснувшего вулкана. Желая избавиться от нахлынувшего отголоска прошлого, он запахнул плащ и сделал еще один оборот шарфа

вокруг шеи, сосредотачиваясь на холоде, который заныривал за шею.

Через несколько месяцев после смерти жены машина Роберта обрела нового хозяина. Сам Роберт переехал ближе к университету и обычно ходил пешком, шутя, что ходьба — лучшее лекарство от хандры, но иногда, когда уставал настолько сильно, что спина отдавала разрядами боли при каждом шаге, заскакивал в автобус, чтобы проехать пару остановок. Войдя в автобус в этот раз, он оплатил проезд и прошел в конец салона. Его взгляд невольно задержался на экране телефона девушки, стоявшей рядом. Она смахивала пальцем бесконечные короткие видео о достижениях, различных теориях увеличения количества подписчиков, смешных роликах, повторяющихся сюжетом и немного различающихся немного различающимися лицами. Наблюдая вместе со своей случайной попутчицей за яркими картинками, Роберт почувствовал, что у него запершило в горле. Кашель не помог — в глотке защекотало еще сильнее. Пока он доставал леденцы, которые часто использовал после того, как много говорил, элегантно одетая пожилая женщина, сидящая на ближайшем к Роберту ряду, громко обратилась к своему соседу по сиденью, спрашивая, сколько сейчас времени.

— Восемнадцать ноль пять.

— Сколько?

— Восемнадцать часов пять минут.

— А, это получается, пять минут седьмого? Молодой че-

ловек, сейчас пять минут седьмого, а не восемнадцать ноль пять. Вот молодежь пошла, даже не знает, как правильно называется время.

*

Роберт почти дошел до своего подъезда, когда почувствовал вибрацию в кармане. Звонил работавший над делом его жены следователь, чтобы сообщить о задержании подозреваемого. Он явно был доволен, что спустя два года удалось задержать убийцу, жертвами которого по меньшей мере стали десять человек по всей стране. Следователя ждало повышение, не иначе.

— Не могли бы вы подойти ко мне в отдел? Листал материалы дела, на одном из протоколов допроса не обнаружил вашей подписи. Видимо, пропустили. А мы готовим обвинительное заключение, чтобы передать дело в суд. Нужно, чтобы все в документах было в порядке.

— А когда его задержали?

— Неделю назад.

Неделю назад.

— А когда можно подъехать?

— А когда вам удобнее?

— Завтра часов в 10?

— Хорошо. Адрес запомнить?

— Нет. Я его знаю.

Они договорились встретиться на посту охраны. Ничего не объясняя, следователь проводил Роберта до своего каби-

нета, сказал: «Подождите меня здесь буквально пять минут», и вышел, оставив дверь настежь открытой. Роберт развернулся к спинке стула и принялся. Казалось, этот кусок старого дерева впитал в себя все, что однажды прикасалось к нему: пот подозреваемого, слезы потерпевшей, водку, признанную вещественным доказательством, запах сигарет следователя, просыпающегося каждый день с желанием случайно умереть, от чужой руки. Позвонки Роберта тянуло в разные стороны, словно от удара о землю. Он наклонялся чуть вперед и возвращался обратно, прижимаясь к спинке стула, но боль только усиливалась. В надежде снизить давление на ноющие кости он сжал левую руку в кулак и положил его между поясницей и стулом.

Вбежал следователь, спросил: «Симонов, так ведь?» и, не дожидаясь ответа, подошел к горе папок, скинул несколько лежавших сверху, увидел нужную, начал листать.

— Где-то делал закладку. Потерялась... а, вот — следователь положил на стол разворот папки, немного придерживая ладонями, — вот здесь подпишите, пожалуйста. Ручка, точно, — он пытался изогнуться так, чтобы, не закрывая прошитую папку, достать ручку, которая немного откатилась дальше из-за его попыток, — вот.

Роберт остановился взглядом на фразе в протоколе «Больше ничего не знаю. Не знаю, как...» и съехал вниз листа, чтобы быстрее поставить подпись. В дверях появилось двое мужчин, один из них — в разорванных шортах, с кровоте-

чащими ссадинами на руках и ногах, с беззубой и немного безумной улыбкой — задержанный, но без наручников.

— Проходите, — сказал им следователь, — Роберт, спасибо, что пришли. Дальше только суд.

Прорвавшись через суету следственного отдела, создаваемую тяжелыми вопросами и тяжелыми ответами, Роберт направился в сторону университета. По расписанию занятий не было, но в его электронном почтовом ящике накопились научные работы, которые накануне прислали студенты. Он шел и вспоминал тему каждого, думая над тем, какие выводы хотел бы увидеть и какую литературу стоит предложить. Снег, который шел вчера, превратился в тонкий слой льда. Периодически Роберт еле-еле удерживал себя на ногах, скользя по асфальту. Продолжая держать руки в карманах, он остановился перед двухэтажным зданием, которое выглядело как бледное пятно на улице вечно мигающих и светящихся конструкций отреставрированных домов. И почему его все еще не включили в план реновации?

На первом этаже дома № 11 на улице Февральской располагалась небольшая булочная — так ее все называли, хотя на вывеске написано что-то совершенно другое. Второй этаж обычно пустовал, но уже несколько недель на нем был растянут плакат с информацией о выставке картин неизвестного ему художника. Роберт не в первый раз читал то, что виднелось крупными буквами через стекло. Иногда, когда спешить было некуда, он стоял на улице и представлял, как там

все обустроено внутри.

Ему не нравилось, что в привычном ему месте появилось «новое»: к этому «новому» стекались посторонние люди, создавая заодно и очереди в булочной, куда он часто заходил за кофе, немного с кислинкой. Это неодобрение смешивалось с любопытством, которое в тот день победило все остальное. Роберт посмотрел по сторонам, вошел в здание и зашагал мимо кофейни в поисках ступенек.

Железная дверь, преграждавшая путь на второй этаж, открылась с ужасным скрипом, оповестив о приходе гостя не хуже колокольчиков. Пол, стены и потолок остались без покраски и демонстративно выпячивали неоднородность кирпича. Мрачность темно-красного помещения разбавлялась естественным светом пятиметрового панорамного окна. Над картинами нависали светильники, которые включались по вечерам. Свободное пространство вдоль стен между картинами было спрятано высокими цветами в таких огромных кашпо, что в них с легкостью мог поместиться шестилетний ребенок. Оценив планировку помещения, он обратил внимание на картины.

Обычно Роберту не была знакома сопричастность с героями картин: сюжеты изобразительного искусства его не увлекали, ему не передавалось настроение автора, работы разных художников смешивались в его голове, совсем не запоминаясь. Но тогда, на выставке над булочной, напротив картины с улыбающейся девушкой Роберт улыбался ей в ответ, возле

мрачного моряка Роберт ощутил раздражение, при взгляде на избитого мужчину, ему стало страшно. В самом конце зала, в небольшом закутке, стоял, опираясь на стену, большой холст с плачущей женщиной в медицинской форме.

— Как вам? — Роберт слегка развернулся к незнакомцу. Глаза задавшего вопрос покраснели и немного слезились, а голос хрипел. «Конъюнктивит» — ответил тот на не произнесенный Робертом вопрос.

— Хм, кажется здесь что-то трагичное, — вернувшись к разглядыванию полотна, произнес Роберт. Голоса разгуливали по пространству, оседая на кирпиче.

— А исполнение портрета? Что думаете?

— Честно говоря, я не силен в живописи. Не бываю на выставках. Но мне определенно нравится здесь. Еще нет людей, так спокойно.

— Надеюсь, я вам не помешал?

— Нет, что вы. Просто у меня было много времени изучить все, не торопясь. Это оказалось приятным занятием.

— Я рад. Спасибо, что посетили мою выставку. Это мои картины, — художник обвел рукой зал. — Знаете ли, у меня бывает не так много посетителей, с которыми я еще не знаком.

— Правда? Забавно встретиться вот так. Всегда считал, что подобные совпадения бывают только в фильмах. И то в клишированных.

— Ничего удивительного, если художник сидит вместо ад-

министратора на своей выставке и работает в небольшой мастерской наверху, за которую по доброте душевной согласились не увеличивать стоимость аренды.

— А я думал, мне показалось, что врач с вот этой картины, — Роберт показал на женщину в медицинской форме, — похожа на вас. Это ваша мать?

— Тетя. Но можно сказать и так, потому что она меня воспитала. Я рано лишился матери, толком ее не помню.

Слова — это то, с чем Роберт работал каждый день: когда вел занятия у студентов, когда разбирал норму права, когда писал научную работу. Но в моменты, которые действительно требовали слов, его охватывала такая растерянность, что он замолкал, глядя в одну точку. Кто-то мог бы подумать, что в эти секунды Роберт соперечивает, но нет: он впадает в ступор. Все его внутренности сковываются, мозг перестает давать сигналы телу, язык раздувается так сильно, что упирается в верхние зубы. Это ожидание, пока все разрешится само собой: кто-то другой, а не он, заговорит первым. Поэтому его никогда не смущало поведение следователя, который не выказывал сочувствия и даже не пытался быть вовлеченным. Этим Роберт поделится со своим новым знакомым — художником М. — немного позже.

*

М. видел Роберта несколько раз, пока ждал внизу такси и обсуждал по телефону рабочие вопросы. Обнаружив его на своем этаже разглядывающим картины, М. решил позна-

комиться. Они вместе спустились в булочную, взяли кофе в стаканчиках «с собой» и попрощались.

Знакомство с Робертом осталось в памяти М. размытым рисунком. То ли сказалось плохое самочувствие, то ли это событие тогда, в моменте, выглядело недостаточно значимым для того, что его запоминать. Первый разговор М. мог воспроизвести лишь фрагментарно, и то больше по смыслу содержания диалога, чем по его форме.

В следующий раз Роберт и М. снова пересеклись на Февральской, 11, примерно через неделю после знакомства. Накануне М. заканчивал наброски некоторых своих картин в импровизированной мастерской. В его воображении оживала одна и та же сцена: на пол бесшумно падает разрезанная красная лента, ознаменовавшая открытие его второй выставки, пока он дает интервью журналистам, которые не перестают удивляться особенностям его штрихов и сюжетов. Он посмеивался над своей способностью грезить о чем-то столь далеком от реальности, но продолжал воображать, считая фантазии источником своего спасения от невозможности выносить рутину. Всегда есть отрезки времени, когда ничего не происходит. Утро сменяется следующим утром, окончание одного рабочего дня сменяется окончанием другого рабочего дня, ужин сменяется ужином. Наблюдая, как только что налитый кипяток окрашивается в цвет быстрорастворимого кофе, невольно задумываешься: тебя сейчас посетило дежавю или твой распорядок дня состоит из одних и тех же

действий? Проносятся недели, месяцы, годы, и потом, иногда с ужасом, иногда с удивлением, ты осознаешь: уже наступила календарная весна, прошло десять лет с окончания школы, твою жену убили два года назад.

— Ты рано. Кофейня еще закрыта? — заулыбался М., потянувшись рукой к руке Роберта.

— Шел на работу, думал зайти за кофе. Пять минут до открытия. Здравствуй. Ты намного лучше выглядишь. Даже появился блеск в глазах.

В ответ М. бросил короткое «еще лечусь»: в нем не нашлось смелости оставлять Роберта наедине с причиной надлома в его голосе, не спрятавшегося от внимания М.

— Поднимешься со мной в мастерскую, пока ждешь?

— У меня занятия через час, поэтому лучше дождусь здесь. А ты рисуешь что-то новое?

— Не для выставки. Вчера начал портрет бывшей девушки. Это что-то вроде терапии.

— Тяжелое расставание?

— Мне кажется, расставания простыми не бывают. Но все нормально. А ты женат? — М. кивком показал на кольцо Роберта.

— Был. Я вдовец.

— Прости. Соболезную. — М. зачем-то представил себя на его месте, всего на секунду, а потом быстро отмахнулся от этих мыслей в страхе: вдруг все мысли материальны? Лучше не представлять такое. На всякий случай.

Продолжая смотреть себе под ноги, Роберт убрал руки в карманы плаща и, словно Пизанская башня, устрашающе неустойчиво наклонился вперед.

— Ее убили. Заказное убийство. Прости, что так вываливаю это на тебя. Наверное, мне просто не с кем об этом поговорить.

— Узнали, кто это сделал?

— Она сама.

М. всматривался в Роберта в поисках реакции, но ее не было. И почему М. не может остаться таким же невозмутимым? По кистям его рук уже успели проскользнуть спазмы. Он поочередно сжал запястья. Внезапно происходящие вещи, неожиданности, не поддающиеся контролю М., всегда меняли его биохимию, поэтому сейчас, между репликами, он прикидывал, на что можно будет переключить свое внимание после окончания разговора.

Со своей будущей женой Роберт познакомился в социальных сетях, когда они оба еще учились в университете. Диалог в комментариях («мы все тогда жили в комментариях» — говорил Роберт) перерос в диалог в личных сообщениях, а потом и во встречи после занятий. Он никогда бы не подошел к ней, если бы увидел на улице. Не осмелился бы. Она казалась слишком далекой, слишком невесомой, чтобы взять и рискнуть приземлить ее своим «Привет, познакомимся?». Роберт называл их отношения договорными. Это был симбиоз двух существ, нуждающихся в кратких мигах потери

одинокчества и при этом жаждущих оставаться наедине с собой. Чем дольше длились их беседы, тем больше Роберт понимал, что может разделить свой дом с этим человеком. Он не обдумывал решение предложить ей выйти за него замуж. Он просто предложил.

— Она оставила меня задолго до того, как умерла. Не физически, конечно. Мы по-прежнему жили вместе, проводили время вместе, строили какие-то планы. Уже потом до меня дошло, что я ничего не знал о последних месяцах ее жизни. Что на самом деле она закрылась от меня. А я ведь даже не заметил, что ее что-то беспокоило. Она была совсем рядом, пока ее желание жить распадалось на атомы. Совсем рядом.

В попытке выбраться из воспоминаний Роберта М. наблюдал за приближающейся к ним женщиной, которая изучала на руке свои часы. Она только что купила коттедж. Задачей М. на ближайшие месяцы станет его обустройство. Стук каблучков, пытавшихся обойти замерзшие лужи, становился все громче. Говорил ли Роберт что-то в тот момент или вместе с ним смотрел на Валентину, М. так и не вспомнил.

— Здравствуйте! А я наверное к вам. Извините, что рано, не ожидала, что доберусь без пробок.

— Здравствуйте! Валентина, верно? Да, да, ко мне. Минутку. Роберт, запиши мой номер телефона. Если что-то понадобится, я на связи.

4. Грубый набросок

Замерзающими пальцами М. увеличивал на телефоне карту, чтобы понять, где находится дом, который он ищет. Судя по координатам, дом стоял прямо перед ним. Почему тогда на табличке другой номер? М. покрутился вокруг себя, наблюдая, как стрелка электронной карты двигается вместе с ним.

Вот он, нужный дом. Немного левее того места, где искал М.

Он осторожно постучал в дверь квартиры и только после этого обнаружил, что возле двери есть звонок. Но нажать на него М. не успел: как только он поднял руку, из открывающейся двери выглянула девушка.

— Здравствуйте.

— Я же писала, что лучше на «ты», — с деланным возмущением ответила Соня. — Привет! Проходи.

М. занимался дизайном интерьеров, поэтому у него было много знакомых (по мнению его друга Вани — слишком много). Его контакты разлетались всем подряд, поэтому он не удивился, когда Соня написала ему с просьбой помочь с декорациями в ее моноспектакле. Ей нужно дерево высотой два метра.

Во времена колледжа он вместе с Ваней подрабатывал в молодежном театре, делая декорации для местных постано-

вок. Их работами всегда восхищались и сотрудники театра, и зрители, но из-за своего перфекционизма они ничего не успевали сдать в срок. Зная, что потратит кучу сил на создание декорации, М. и не думал соглашаться помочь Соне. Но отказаться сразу не смог: это выглядело грубо, ведь она написала, что ей понравились его картины на выставке. А потому он решил уточнить, как быстро Соне нужно готовое дерево. Ему было все равно, каким будет ответ, он уже решил, что после напишет: «Так жаль, но у меня куча проектов. Боюсь подвести». Но Соня ничего не ответила. Прошла неделя. И еще пара дней. Ночью М. прилетело сообщение: «Ну, я думаю, в течение месяца». М. уточнил детали. Соня пропала еще на неделю, а потом предложила встретиться. «Какая безответственность. Она ведь так и будет пропадать постоянно, а я что с этим буду делать? Только убью время. Еще через неделю она вообще скажет, что ей не дерево, а дикобраз нужен. Нет, надо отказываться» — подумал М. и написал: «Когда и где удобнее?».

И вот М. прошел в гостиную, закрыв за собой дверь на один из замков, надеясь, что именно он — нужный, потому что спросить было не у кого: Соня исчезла.

— Я немного спешу, поэтому надеюсь, ты не против, если я буду краситься, — донесся крик из комнаты.

— Конечно нет, — М. разулся и прошел в гостиную, на голос. — Рассказывай, что у тебя за идея.

Соня сидела за небольшим столом лицом к окну, потому

что оно служило единственным источником света. Квартира со всех сторон была завалена полками, шкафами, коробками, что делало пространство маленьким, темным и давящим. Прямо в комнате стоял большой мешок корма для собаки, от которого исходил еле уловимый аромат мучного. Странно, что собака еще не прогрызла в нем дыру.

М. достал телефон и включил диктофон. У него было предчувствие, что Соня из тех, кого лучше записать на аудио и иметь возможность переслушать, чем тратить время на попытки добиться чего-то через социальные сети. Он видел причину ее безалаберного отношения к переписке в плотном графике. Но на самом деле она жила в творческом хаосе, который питался ее дисциплиной и эмоциональной стабильностью.

— Вообще, я могла дать тебе все вводные и без встречи. Но я хотела тебя увидеть. Чтобы понять, что ты подходишь.

— Подхожу? — переспросил М.

— Да, — она посмотрела на отражение М. в своем настольном зеркале. — Ты, кстати, подходишь. Это ведь древо жизни. Кому попало доверять древо жизни нельзя. Это не просто декорация. Оно значит для меня гораздо больше. Нужно, чтобы его делал хороший человек, с хорошими помыслами. Я верю в энергию, а ты?

М. принялся изучать самый верх шкафа, стоящего справа от него, в надежде, что собеседница пропустит его молчание мимо ушей. Так и произошло. Соня вслух рассуждала о ма-

териалах, оттенках зеленого, то просила сделать яблоки, то говорила, что они не нужны, и в конце своей речи заключила: важно, чтобы дерево разбиралось.

— Это будет маленькая камерная постановка, но я планирую договориться с театральными кафе в других городах. Так что мне нужно будет перевозить дерево.

Из соседней комнаты к М. прошагала собака, сонная и дезориентированная. Длинная лоснящаяся шерсть выглядела ухоженной. М. представил, как Соня расчесывает ее каждый день, прямо как себя, медленно, рассказывая ей истории и прося не шевелиться.

— Знакомься, это Талия. Моя муза.

«Хороша защитница» — подумалось М., когда мохнатый пудель начал подначивать его руку головой в надежде, что с ним поиграют. Взяв Талию за мордочку, М. потрепал ее уши и челку, а она в знак благодарности игриво прикусила его пальцы.

— Укусила? — отозвалась Соня на «ш-ш-ш» М. — Больно?

— Терпимо.

— Я ведь спросила, больно или нет. Терпимо — это больно.

— Не страшно. Боль очищает мысли.

Соня обернулась на М., словно оценивая, не сошел ли он с ума. М. рассмеялся.

— А, и еще. Ты не против, если я немного понаблюдаю

как-нибудь за процессом?

— Из меня будет плохой собеседник. Я не могу одновременно что-то делать и говорить.

— А слушать?

— Слушать могу. Даже чаще слушаю. Обычно что-то по учебе. Тогда приезжай на выставку, моя мастерская там же.

— Отлично. Я лучше учебы. — В этом М. не сомневался.

— А где твоя выставка?

«Ты не знаешь? А где же тогда ты видела мои картины?»

— хотел спросить М., но вместо этого ответил:

— Я скину тебе адрес. Моя выставка на Февральской.

*

М. был уверен, что Соня опоздает. Так и произошло. Она принесла пакет с выпечкой с первого этажа, поэтому прежде чем увидеть девушку, М. ощутил аромат сдобного теста. В расстёгнутой куртке, с растрепанными весенним ветром волосами и красной помадой на губах Соня возмущалась из-за того, что искусство сужают до определенных форм: театра, книг, кино, музыки, картин, скульптур. По ее мнению, творчество есть во всем, что делает человек, и особенно в кулинарии. Когда М. думает о том, что же сподвигло его проникнуться теплом к Соне, он вспоминает тот момент.

— Почему выставка в таком месте? Оно непроходное.

— Я не стремлюсь расширять аудиторию. Достаточно тех, кто приходит по сарафанному радио.

— Напишу пост про твою выставку.

— Не стоит.

— Стоит.

М. давно понял: чтобы быть художником, недостаточно рисовать. Нужно позиционировать себя как «художник». Показать свои картины другим так, чтобы выбиться с фона информационного пространства на передний план (конечно же, только на мгновение). Представь себя на любой улице любой страны на Земле, богатой или бедной, не важно — везде будут вывески. Продвижение себя и своего — вот настоящий международный язык.

Пока рождался первый грубый набросок, Соня говорила о театре, его традициях и культуре, проникающих через стены вибрацией прошлых эпох. В ее рассказах проскальзывала тоска по утраченному духу свободы искусства, который она всеми силами стремилась возродить.

Особенно М. запомнилась история девушки о первых пробах, ставшая, насколько он мог судить, лейтмотивом ее жизни. Соня не была знакома с режиссером, в чью постановку пробовалась на роль. В театральных кругах говорили, что он, а точнее она, приехал из столицы, чтобы поставить пьесу по просьбе своего то ли друга, то ли любовника — никто не знал точно. Как пояснила Соня, слухи, сопровождающие все, что связано со сценой, смазывали творческий процесс как машинное масло — металлические детали.

Соня готовилась в гримерке читать предложенный организаторами отрывок, когда ее платье, которое она накануне

взяла напрокат, облили кислотой.

— Слава богу не на мне, а пока оно висело на вешалке! Хотя я тоже своего рода вешалка.

Те, кто считал, что испорченного платья достаточно, чтобы Соня сошла с дистанции, явно не были с ней знакомы. Она надела то, что осталось от платья, затянула корсет и вышла на сцену. Встав напротив огромного количества ламп, к яркому свету которых она еще не успела привыкнуть, Соня отматывала до начала заученный текст, в ужасе добираясь до признания самой себе: она не помнит ни единой строчки из нужного монолога.

— Ты выходишь на сцену с трясущимися руками, и первые шесть секунд всё решают: или ты начинаешь читать текст, и он льется из тебя, как водопад, или ты приходишь к тому, что не помнишь ни-чер-та. Вот тогда случилось второе. Я стояла и гоняла по кругу заклинание: «вспоминай, вспоминай», а что вспомнить должна — не помнила.

В ней выросла острый ледяной колышек, протыкая по очереди живот, грудь и глотку. Это провал. Продолжать было бессмысленно. Ничего не объясняя, она ушла за кулисы и уже там разрыдалась. Ощущая спиной занавес, на который нельзя опереться, Соня не сразу поняла, что его заменила более плотная материя — человек. Под всеобщее замешательство и перешептывания ее обнимала режиссер пьесы, которая не смогла не убедиться, что с девушкой, пробующейся на роль в ее постановке, все в порядке.

Академическая среда здорово потрепала самооценку и нервную систему Сони. Она с трудом окончила театральный, попутно играя самые разные роли, а после выпуска погрязла в написании собственных сценариев, часть из которых не собиралась никому показывать. Не так давно Соня помогала со сценарием своей подруге — тому самому режиссеру, у которого провалила очное прослушивание.

— Я многого боюсь рядом с ней. Иногда даже вставать рядом с ней боюсь. Внутри меня вертится рулетка, на которой выпадают самые разные вопросы: что, если я не дотягиваю до нее талантом? Что, если все видят, будто она тащит меня за собой, как хромую лошадь? Конечно, я не о себе беспокоюсь, со мной ничего не случится. Я переживаю за нее. Люди бывают так жестоки и несправедливы. Меньше всего мне бы хотелось, чтобы критика меня касалась ее существа.

М. представлял, как Соня возвышается на сцене, в зале царит темнота, и только ее лицо подсвечивает напольная лампа. Вокруг цветы, овации, восхищенные взгляды, но она не улыбается. Никто не видит Соню полностью. Все судят по обозримому в специально поставленном свете кусочку ее тела.

Театр бил Соню, отбрасывая от стены «проявляйся» к стене «ты слишком громкая, слишком яркая». Когда тело изнемогало от ударов, она сбегала в тексты и к той, кто разделял ее творческий путь. Они встречались в разных городах, гуляли, в слух рассуждали о том, чем бы мог заниматься каждый

из прохожих, здоровались с ними и смотрели на их реакцию, заказывали местные блюда, добивались встречи с поварами, чтобы дать им свою честную оценку; когда темнело, они заглядывали в окна квартир домов старше их обеих, в которых первые этажи излучали простоту быта, а не дороговизну и сервис салонов и магазинов. Кто-то прямо сейчас ужинал — один или с семьей, молча или смеясь. Кто-то в темноте играл в компьютер — виднелся только его затылок, скрывающий монитор. Кто-то сидел в кресле и говорил по телефону, пока телевизор озвучивал прогноз погоды на завтра. Кто-то в свете флуоресцентной лампы обрезал листики красной герани.

Некоторые окна способны останавливать время: свет люстры падает на пожилого мужчину, который держит на руках маленького ребенка, одетого в розовый костюм — свою внучку? Он подбрасывает ребенка вверх, и хоть сквозь стекло ничего не слышно, совершенно точно малыша заливается смехом.

Уставшие, они пешком добирались до места, где остановились, и, лежа в кровати, разговаривали, разговаривали, разговаривали. Что есть только один день, проведенный с человеком, который принимает тебя таким, какой ты есть? И что есть жизнь, в которой нет ни одного такого дня?

— А ведь я могла не прийти на те пробы. Или расстроиться из-за платья и отказаться выходить на сцену. Тогда бы мы не познакомились.

— Веришь в судьбу? — спросил М.

— Сложный вопрос. Честно, иногда мне хочется верить. Я прихожу утром в парк с круассаном и кофе, сажусь на лавочку, рассматриваю прохожих и думаю: «А вдруг человек в коричневом пальто, идущий сейчас по дорожке в мою сторону, самый заботливый, талантливый и замечательный? А вдруг только я могу дать то, чего ему не хватает, и только он может вдохновить меня на прорыв?». Но он проходит мимо. Мы не можем себе вообразить, сколько раз проходили мимо тех, кто мог бы стать самым значимым человеком в нашей жизни. Вообще, я часто представляю, как на встрече все мои знакомые говорят о семьях, а я молчу. Киваю головой и молчу. Потому что одна. Потому что мне не суждено было кого-то выбрать или кому-то не суждено было выбрать меня. Потому что в этой жизни мне не выпала возможность создать большую, дружную семью. Представляешь, каково это? Сказать всем: меня не выбрали. Даже сейчас больно это произносить. Страшно не узнать, каково это — быть женой, матерью. Но и успеть все за такой короткий миг нашей жизни невозможно. Я — актриса, которая не вышла замуж и не родила к двадцати девяти.

— Видел на днях видео, где спорили: надо искать того, кто сразу же идеально подойдет тебе, или сначала выбрать, а потом рубцеваться вместе? Ты что думаешь?

— Лично я не верю, что люди меняются. Они состоят из теста. Можно изменить форму, но состав — вряд ли. Поэтому, конечно, человек может скорректировать свое поведе-

ние. Но что делать, например, с моей безудержной эмоциональностью? Я могу стать тише. Но это буду уже не я. Так меняться я не хочу ни для одного человека в мире. В том числе директора театра. Короче, рассказываю! — М. обернулся на Соню, которая выпрямилась, явно возбужденная предстоящим рассказом, и продолжил работу. — Я хотела выступать в театре, но сначала мне сказали, что, увы!, потеряли мой сценарий, а потом честно признались, что мой моноспектакль не вписывается в их общую театральную концепцию. Попросили что-то убрать, что-то добавить. После этого обещали еще раз подумать о том, нужна ли им моя постановка. Спойлер: ничего я не переделывала. Решила выступить в литературном кафе. Не так давно договорилась, чтобы меня пускали порепетировать, всего на часик, до открытия. Никого из театра я не видела, поэтому без понятия, откуда они узнали про содержание моей постановки, но мне позволил один важный в театре человек и предложил выступить на сцене театра.

— Ты согласилась?

— Знаешь, отринуть возможности большой сцены только из-за того, что мне отказали в первый раз — это детская позиция. Я понимаю, почему они не согласились. Постановка могла провалиться. Меня толком не знают зрители. А тут нужно целый зал отдать. Сплошные риски. Так что я подумала над предложением. И отказалась. Пошли они к черту. Я могу все понять. Абсолютно все. Но не принять. — Соня

подошла к М. и из-за его спины смотрела на набросок.

— Как тебе?

— Все идеально.

— Может все-таки есть то, что не нравится?

— Меня все устраивает. Я тебе доверяю.

— Прямо таки доверяешь? — с прищуром посмотрел на девушку М. Соня кивнула. — Скажи честно, откуда ты узнала про меня?

— Ваня порекомендовал.

— Ваня?

— Ну да.

— Какой Ваня?

Соня вздохнула.

— Который твой друг. Мы с ним с детства знакомы. А когда я дала тебе свой адрес, ты подумал, что я приглашаю незнакомого мужчину домой? Нет, конечно, я знала, кто ты. Ну, вообще-то я хотела, чтобы Ваня сам помог мне с деревом, раз он декорациями раньше занимался. Но он сказал, что никто лучше тебя с этим не справится. Ваня, кстати, просил не рассказывать тебе об этом, но я врать не умею, — М. прыснул со смеху. — Эй! Не смейся. Правда! Мне один режиссер так и говорил: «Соня, ты ведь не играешь! Ты проживаешь!».

«Как у Вани дела? Как он? Что происходит в его жизни? Что еще он говорил обо мне?» — вопросы сталкиваются в голове М., но вместо того, чтобы задать их, он разбавляет

загустевший тон беседы историей, которая произошла с ним пару недель назад и внезапно вспомнилась ему сейчас.

М. ехал в метро и сквозь музыку в наушниках слышал перепалку пассажиров. Выключив звук, но не поворачиваясь в сторону шума, он затаился в ожидании того, что случится дальше, полный намерений встать и разнимать пока еще не столкнувшуюся толпу. Кричал мужчина, явно в алкогольном опьянении. Сначала М. показалось, что он несет чепуху: как ему нравится собирать грибы (он обращался к пассажирке, препирающейся с ним: «Ты мой мухомор!»), почему у него спадают штаны (он похудел и не сделал новую дырку в ремне), что у него болит душа за его страну, в которой созданы такие прекрасные песни (он продемонстрировал этот факт, громко затянув какую-то мелодичную песню, которую М. слышал впервые). А потом замолчал. М. упорно продолжал не смотреть в сторону кричавшего, но стал представлять, как тот может выглядеть: потрепанная, не раз упавшая в грязь кепка, синие джинсы, в которых торчат колени, коричневый, с тяжелой бляхой, ремень, растянутая футболка. «Надо учиться любить» — слышал М. «Что?» — переспросил кто-то. «Говорю, вам надо учиться любить!» — прокричал мужчина. — «Чтобы полюбить человека, не важно, мужчину или женщину, или своего ребенка, или страну, да хоть таракана — надо сначала научиться любить. А вы все не умеете. Не любите. А те, кто не учился любить, не любит, вы же знаете это? Они не любят. А тем, кто не любит, плохо на

свете. Не хорошо им. Надо учиться любить.». На следующей станции он вышел.

М. так и не узнал, как выглядел тот человек, но на своем полотне тем же вечером изобразил образ, который выдумал. А потом бросил его на балкон, в стопку к остальным неудачным — эта работа не что иное, как подтверждение стереотипности мышления М. С чего он взял, что мужчина выглядел именно так? Почему он представляет его хуже себя? Но, рассказав об этом Соне, он решил вынести эту картину на следующую выставку. Да, она — подтверждение стереотипности мышления М. Он напишет все, что сейчас рассказал Соне, и разметит рядом с картиной.

Да. Ее должны видеть все.

5. Очертания

Вихри ветра со снегом бились о стены снаружи и проникали в квартиру через вентиляцию. Сделав несколько вариантов кухни для новой клиентки под доклады своих сокурсников в наушниках, М. вышел на балкон понаблюдать, как спальный район лишается солнечного света, погружаясь в оттенки искусственного. Он убрал наушники, взял в квартире книгу для подготовки к тестированию, которую купил только потому что глаза с трудом фокусировались на электронных буквах после целого дня работы за компьютером, вернулся на балкон и открыл все окна. Футболка раздувалась на нем от порывов ветра вместе со страницами книги.

Из-за своей страсти к живописи М. внимательно относился к лицам, сразу же располагая их на воображаемом холсте. В разговоре с человеком он машинально пробежался по форме его носа, запоминал густоту бровей, оценивал шероховатость губ, вглядывался в веснушки и цвет глаз. Изображая множество самых разных тел на холстах, М. порой чувствовал себя неуютно в своем собственном. Тем утром он смотрел на себя в зеркало и не узнавал: руки, голова, шея казались ему чужими, нелепыми, сделанными из пластилина и приклеенными к его туловищу ночью в сне. Что за пальцы держат в руках страницы книги прямо сейчас? Вместо букв мельтешили глаза, которые в школе и колледже М. постоян-

но вырисовывал на полях тетрадей, заштриховывая зрачок и придавая каждому свой взгляд. Он попробовал сконцентрироваться на движениях внутри себя. Кишечник скручивался в моток и бился в конвульсиях. Красная жидкость бежала по сосудам к сердцу, которое вот-вот должно было разорваться от частоты ударов — они виднелись сквозь кожу. Гортань заполнялась кислородом, который не получалось сглотнуть. Нервы, обматывающие кости на пальцах рук, трепыхались в узком пространстве.

Это все — не его. Это неживая конструкция, собранная из пластмассовых деталей. Некоторые из них не подходят друг к другу и кто-то применил силу, чтобы сцепить их.

М. медленно сел на пол и положил книгу рядом. Подготовиться к занятию в университете не вышло.

Внутри него наковальня, а над ней снова склоняется миниатюрный молоток, который резко увеличивает скорость своих ударов, угрожая одним из них размозжить ткани М., случайно попавшие под него. Весь его организм переходит в режим нагрева.

В такие минуты всегда становилось мучительно трудно сидеть в одной позе, на одном месте, наедине с собой, поэтому он рвал салфетки на встрече в ресторане, выходил из такси в пробке, ходил кругами по квартире. Но был еще один способ остановить стук и успокоить тремор. М. нащупал бугорок кожи возле ногтя, зацепил его и медленно потянул вверх, пока не очень сильная, но резкая боль не выключила

все остальные механизмы.

Задержала открывшаяся рана на пальце. М. нажал ногтями на кожу вокруг нее, пока она не побелела, и закрыл глаза, мысленно фокусируясь на воздушном шаре, который показывают на проверке зрения. Самое главное — успеть поймать появившееся на горизонте спокойствие и не моргнуть. Кровь собиралась на месте заусенца, пока не превратилась в крупную каплю и не потекла по пальцу.

Плечи потряхивало от холода.

Пора возвращаться.

Закрывая балконную дверь, через стекло М. взглянул на полотна, которые не попали на выставку. Выставка. Он все-таки ее организовал. Он все-таки смог.

«Рисовать красками? Глупая, наивная мечта» — думал М. в старшей школе, и поэтому выбрал в качестве направления обучения дизайн-проектирование. Когда по работе ему попадались сложные проекты, занимавшие все его время, он забывал о холсте и красках. Но неизменно к ним возвращался.

Приступая к очередной картине, М. вспомнил, как его учитель просил всех учеников назвать одну свою особенность. М. ответил, что у него нет никаких особенностей, на что учитель сказал: «Задумайся об этом. Нужно что-то в себе изменить». «Странно, — подумал тогда М., — почему я не могу быть обычным?». Стремление к инаковости остается для М. загадкой до сих пор. Как оно соотносится с жела-

нием быть счастливым? Ему казалось, что эти вещи несовместимы. Если ты отличаешься, ты одинок. Если ты одинок, ты никогда не будешь счастлив.

И хотя М. понимал, что быть интересным для всех невозможно, он все равно пытался заполучить расположение того учителя, которому явно не нравился: смотрел ему прямо в глаза и почти всегда улыбался. Для чего? Не только ради хорошей оценки.

М. долгое время пытался соответствовать. Тому, что видел вокруг себя и к чему никогда не имел отношения. Он молчал, пока сыпались названия брендов, которые ему ни о чем не говорили. На вопрос о кроссовках выдавал название торгового центра, хотя на самом деле купил их на маркетплейсе. Не заказывал стейки, чтобы не брать в руки нож, которым не умел пользоваться. Боялся показаться непосвященным, неправильным, наивным. Это мешало ему называть себя художником. Что он будет делать, если кто-то спросит у него, как отличить стили, а он не сможет ответить? Разве это профессионально? Разве он имеет право прикидываться тем, кем не является?

В спускающемся лифте дедушка спрашивает у М., долго ли ему набивали татуировку на руке. «Нет, все заняло пару часов» — отвечает М. «Я всегда хотел, но так и не набил. Что-то останавливало. Еще работал там, где это могло вызвать вопросы. А теперь уже поздно. Ну, счастливо!» — дедушка, перекатываясь с ноги на ногу, медленно побрел в

сторону выхода. В груди М. сгущается безвыходность. Он не найдет, что ответить. Он лишь почувствует приближение ожидающей его смерти. Она не пугает его. Пугает сама мысль о том, что она неизбежна.

М. идет по пешеходному переходу, не оборудованному светофором, видит приближающуюся машину и прибавляет шаг, чтобы машина не тормозила, а проехала спокойно на той скорости, которую уже набрала. Почему? Разве он и водитель не равны в своем праве на движение? Ну и что, что один из них на автомобиле? М. замедляется. Смотрит на водителя. Решает завтра же позвонить агенту и узнать о том, как открыть свою выставку.

Часто в биографиях успешных людей можно обнаружить периоды взлетов и падений. Кажется, что залог успеха — никогда не сдаваться. Но это ошибка выжившего. Конечно, важно пытаться снова и снова. Но еще важнее — ощущать удовлетворение от каждого шага. Давать себе наслаждаться процессом. Каждую минуту. Потому что до цели можно и не дойти, если, к примеру, тебя собьет машина из-за того, что ты упрямо решил не ускоряться, переходя дорогу.

*

Взяв в руки телефон, М. увидел сообщение от Роберта — своего нового знакомого. Он представил, что сказал бы Ваня прямо сейчас: «Кто это? Опять кто-то из тех, кого ты вызвался спасти? Ты их притягиваешь к себе. У тебя на лице написано: „Делитесь со мной, я все пойму“. Не устал еще?».

М. ответил бы ему: «Прекрати».

Роберт позвал М. поужинать недалеко от выставки. Натягивая джинсы одной рукой, второй он пытался пролистать фотографии одноклассника, на страницу которому случайно попал минуту назад. И зачем люди хотят что-то узнавать о другом человеке? В чем причина любопытства? В желании сравнить свою жизнь с чужой?

По большей части мы видим человека как набор фактов: женился, завел ребенка, уволился, отправился в путешествие. Лишь немногие для нас известны с другой стороны: он любит горячий душ; она плачет, когда смотрит документальные фильмы про животных; они пьяные целовались друг с другом, а утром ничего об этом не вспомнили. Вот что наполняет характер человека, вырисовывая его на фоне обыденности. М. же старался оставлять для себя людей ничем не наполненными. Но получалось не всегда: общение между ним и Робертом тонкой линией впилося в его жизнь. Эта линия жгла, как порез от бумаги, пока не затянулась кожей и не превратилась в шрам.

— А кем ты работаешь?

— Преподавателем в университете.

— Что преподаешь?

— Право. Юристам.

— Да ладно! Восхищаюсь людьми, которые выбирают такие серьезные профессии. Все-таки это огромная ответственность.

— Ну, не все так радужно. Профессия юриста чересчур романтизирована. Ты мечтаешь, как будешь гоняться за преступниками на машине с мигалками или приходить в идеально выглаженных костюмах в суд, чтобы разбить все аргументы своего оппонента. Но в итоге получаешь абсолютно другое.

— Другое? Разочаровался, значит?

— Наверное. В студенческие годы я считал, что мне подвластен весь мир. Конечно, когда начинаешь работать, ты быстро узнаешь, что закон не всегда на стороне справедливости. А если закон и хороший, то не факт, что тебе повезет с тем, кто его будет применять. Поэтому делаешь два вывода. Первый — все мы люди, а людям свойственно ошибаться и на все иметь свое мнение. Второй — ситуаций, описанных в законе, не существует в реальности. Это клубок из огромного количества условий, которые тебе приходится впихнуть в пару предложений из закона. А еще у меня есть третий вывод, он из моего личного опыта: ты обязательно для кого-то плохой. За твоей спиной всегда будет кто-то недоволен, твой клиент или оппонент, не важно. Моя беда в том, что мне нравится право. Искусство выстраивать равновесие между интересами людей, общества, государства. Как много можно отнять у одного, чтобы отдать другому. Насколько допустимо вмешаться в деятельность организации или жизнь человека, чтобы убедиться в отсутствии совершения им преступления или причинения вреда кому-либо. Как далеко можно зайти

в ограничении прав, чтобы защитить будущее населения и планеты. Восхищение вопросами, которые ставит перед собой юриспруденция, сподвигло меня остаться в науке. Правда наукой это теперь сложно назвать.

— А в преподавании ты ведь тоже остаешься плохим для кого-то, разве нет? Я вот сейчас получаю высшее образование. И в моем окружении сотни тех, кто обвиняет преподавателей во всем подряд.

— В преподавании можно найти компромисс. По крайней мере я стараюсь это делать. — Роберт помолчал, размышляя, а потом добавил: — Сейчас я уже не представляю, что мог бы заниматься чем-то, кроме преподавания. Но, честно говоря, раньше я грезил о писательстве. О художественной литературе.

— Не пробовал что-нибудь написать?

— Нет, только юридические тексты. Но это не считается. Делал, конечно, какие-то заметки, но не больше. Наверное, проблема в том, что я грезил не о процессе написания книги, а о том, что будет после него: как гордо говорю всем, что я — писатель. Кого прельщает тяжелое, болезненное, требующее колоссального количества времени создание текста? Не меня точно. Ну, еще я боялся. Вдруг я потрачу годы на идею, которая уже рассказана в такой же форме и такими же фразами? Вдруг, люди не поймут то, что я хотел сказать своей книгой? Вдруг не оценят мой замысел? Я задавал себе все эти вопросы и находил море причин отложить свою

писательскую карьеру на потом — усталость, занятость, не то время года, не то время суток. Впрочем, иногда становилось нестерпимо сложно сдерживать свои мысли, и я давал себе обещание завтра же сесть за первую главу. Но, как я уже сказал, так ничего и не написал.

— Еще ведь не поздно. — М. медленно стучал ногой по полу.

— Я думаю, что уже не решусь.

— Ты все-таки попробуй. — М. знал, что только в процессе можно понять, нужно ли тебе творчество. Только столкнувшись с жадой создать и мучением от поиска образа, отрыванием части себя на заплатку для полотна, головокружением от вращения вокруг выдуманного мира, ты понимаешь, нужно ли тебе творчество по-настоящему. — Может тебе пройти какой-нибудь образовательный курс? Для начинающих писателей. Найдешь единомышленников.

— Пользы от него будет столько же, как и от всего современного образования.

— А ты строг к современному образованию.

— Могу себе позволить, — улыбнулся Роберт. — Дело даже не в самом образовании, а в том, какую цель сейчас преследуют те, кто его получает. Я могу на пальцах одной руки посчитать студентов, которые четко ответят, зачем пришли получать юридическое образование. Остальные без шуток пишут в листах мотивации, что оно «пригодится», или оправдывают выбор университета удобным расположением,

наличием стипендии, тем, что у него там учились мать, брат, бабушка. Мы разорвали связь между самореализацией и работой. И вот что получаем. Море марафонов, которыми накачиваемся на выходных после того, как перетерпели рабочие будни. Есть у меня один такой знакомый. Боюсь представить, сколько обучений он прошел. А когда я спрашиваю его, зачем они ему, он теряется. Как фанатик, слепо доверяющий ведущей его руке.

— Ну, судя по тому, что ты говоришь, марафоны помогают не сойти с ума.

— Безусловно. Но ради чего?

Уставая от утомительной погони за клиентами, М. подумывал о тихой и мирной жизни офисного сотрудника, которую ему часто предлагали. Но слушая Роберта, он все сильнее убеждался, что никогда не будет к ней готов. Он не сможет вмещать свою жизнь в промежуток длиною два часа с момента окончания рабочего дня до сна. Он не хочет узнавать, каково это — ждать пятницу, замороженно смотреть на часы в ожидании окончания рабочего дня и больше всего бояться, что он станет бесконечным, торопить время на работе и просить его замедлиться в отпуске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.